

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР

А.П. Миньяр-Белоручева

В статье рассматривается функционирование метафор во внешнеполитическом дискурсе. Метафора – универсальный инструмент политика, посредством которого он, влияя на общественное сознание, манипулирует им, решая свои проблемы. Метафоры являются производными политической борьбы и средством осмысления внешней политики, поскольку отражают сложившуюся ситуацию в мире.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концептуальная интеграция, виртуальное пространство, концепт, политический дискурс, внешняя политика, манипуляция сознанием, война, мир.

В настоящее время политическая метафорика находится в центре внимания исследователей, однако в течение долгого времени она не была предметом специального изучения когнитивной лингвистики. Ученым потребовалось много времени для того, чтобы осознать, что метафора является способом осмысления политической реальности и своеобразным руководством к действию. Особое внимание анализу политических метафор уделяли П. Чилтон и Дж. Лакофф [15].

Метафора была загадкой во времена Аристотеля и остается загадкой по сей день. «Сущность загадки, – писал Аристотель, – состоит в том, чтобы, говоря о действительном, соединить с ним невозможное» [1, с. 1099]. Физический опыт человека весьма ограничен, и постигнуть понятия, выходящие за пределы этого жизненного опыта, помогает метафора. Аристотель заложил основы изучения метафоры, к которой на разных этапах человеческого развития обращались великие ученые, пытаясь найти разгадку этого феномена. Новую жизнь в метафору вдохнули Дж. Лакофф и М. Джонсон [20], которые показали, что ее сущность заключается не только в «перенесении слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [1, с. 1096], что метафора – это не только явление языка, но, прежде всего, мышления [4, с. 25].

Метафора является излюбленным приемом политиков, поскольку позволяет им сообщать просто о сложном. По количеству метафор в речах политиков, считает Х. де Ландсхеер, можно судить о состоянии страны. В периоды кризисов количество метафор в речах политиков и газетных статьях резко увеличивается, причем возрастает число метафор смерти и болезни, универсальные метафоры природы превалируют в период экономического роста [23]. Более того, метафора может убеждать без доказательств и аргументов, формиро-

вать общественное мнение, манипулировать общественным сознанием, побуждая массы к действию, поскольку «всегда найдется какой-нибудь желающий помочь <им> думать, подсказывая метафору, которая соответствует его взглядам – его постоянным представлениям о мире или временным стремлением к личному преимуществу» [10, с. 141].

Метафора, «механизм, посредством которого организуется реальность» [10, с. 141], относится к персуазивным языковым средствам и, оказывая влияние на разум и чувства людей, в емкой форме передает большой объем информации, раздвигая горизонты мыслительного процесса человека [7, с. 72].

В политической метафорике концептуальная система метафор войны чрезвычайно многочисленна и разнообразна, поскольку вся история человечества сводится, в основном, к истории войн и борьбы за власть. Война, которая, согласно К. Клаузевицу, является продолжением политики иными средствами [6], метафорически осмысляясь через призму концептов разных областей жизни и деятельности человека. Война может метафорически представлена как игра в шахматы ('war as a game of chess'), как механизм Страшного суда ('war as the Doomsday machinery'), как боксерский поединок ('war as a fistfight'), как американский футбол ('war as American football'), как семейное дело ('war as a Family Affair') и как новость дня ('Big story'). В сложной формуле метафоры объединены два измерения – реальность и виртуальность. В данных метафорах реальность и виртуальность, заложен образ войны, необходимый политикам для ее оправдания в конкретный период исторического развития.

Многие исследователи подчеркивают манипулятивную функцию политической метафоры, поскольку ее основная цель состоит в программировании «мнений и устремлений масс, их настрое-

ний и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [5]. Так, для того чтобы обосновать, что война, которая ведется США в Ираке, является справедливой, и убедить союзные государства в необходимости создания антииракской коалиции, в разное время президенты США, преследуя одни и те же цели, использовали разные метафоры. Вступление Америки в первую войну в Персидском заливе в 1991 году президент США Дж. Буш и его администрация пытались аргументировать, используя дискредитирующие метафоры, изображая главу Ирака как «душителя американской экономики», заверяя всех, что он: “was ‘sitting on our economic lifeline’, having a ‘stranglehold’ on our economy”. В этих метафорах явно просматривалась экономическая заинтересованность США, что и осложнило их использование в качестве дополнительного аргумента, чтобы убедить американских союзников по НАТО ввязаться в войну, которую вели Кувейт и Ирак. Нужны были «высокие мотивы» и «благородные цели» для того, чтобы страны-члены Североатлантического альянса поддержали США. Для этого была создана «сказка о справедливой войне» [21]. США взывали к рыцарскому долгу стран Запада, призывая защитить «невинную жертву», поруганную страну Кувейт, от «жестокого злодея» Ирака и, тем самым, отстоять «свободу, свое будущее и всех невинных» [21]. Дж. Бушу удалось представить ситуацию в выгодном для США свете, сведя ее к противостоянию, метафорически выраженному: ‘civilization vs savager’, – утверждая, что «не США выступают против Ирака, а дикарь против цивилизованного мира» [9]. К этому приему, который К. Берк называл ‘representative anecdote’ [14, с. 184], американцы прибегали неоднократно, оправдывая свое вмешательство во внутренние дела других стран.

Президент США и его администрация, жонглируя метафорами и манипулируя союзниками, взывая их к моральному долгу защитить слабых, униженных и оскорбленных, одновременно вызывая у них страх, переходящий в ужас при мысли о возможности уничтожения Западной цивилизации, на самом деле навязывали демократию Ираку под дулом оружия (‘barrel of a gun’) и были ‘occupiers against the occupation’ [12]. Это все еще было продолжением старой политики ‘Hard Power’, когда насильственными методами правители других государств стремились достигнуть желаемого на не принадлежащей им территории.

Особенность политической метафоры заключается в том, что ее актуальность и существование обусловлены местом, временем и особенностью проводимой политики. При смене установок меняются и политические метафоры.

В 2002 году, развязывая войну против Ирака, президент США Дж.У. Буш использовал метафоры, которые пробуждали чувства страха и гнева.

После 9/11 Дж.У. Буш объявил «священную войну» под метафорическим названием ‘War on Terrorism’ и ‘War on Terror’, что позволяло охватить как можно больше потенциальных военных целей, а не только ‘smoke terrorists out of their holes’ as if they were rodents’ или ‘dry up the swamp they live in’ [22].

Вторжение в Ирак некоторые политики в Белом Доме рассматривали как «войну с тенями» – “War on Shadows”, так метафорически был обозначен неуловимый, безликий, все уничтожающий враг-монстр. Однако еще пятый президент США Джон Квинси Адамс предостерегал своих соотечественников от рискованных операций за рубежом в поисках «чудовища» (‘distant monsters’) [19, с. 621]. Дж.У. Буш пренебрег предупреждениями полутравековой давности, что в «войне не бывает определенности» и, подобно Германии в Первой мировой войне, «безудержное желание быстрой и решительной победы» может втянуть страну «в изнурительную войну на взаимное истощение» [19, с. 216]. Операция под метафорическим названием «shock and awe» («шок и трепет»), которая подразумевала быструю победу в результате массовой бомбардировки врага, призванной деморализовать его и лишить воле к сопротивлению [28, с. 655], превратилась через несколько лет в ‘neverending war’. Американские политики метафорически именовали ее «Вьетнам Буша» – ‘Iraq is George Bush's Vietnam’, «эхо Вьетнама» – ‘echoes of Vietnam’, «вьетнамским болотом» говоря: ‘We’re facing a quagmire in Iraq, just as we faced a quagmire in Vietnam’ [17]. Появление подобных метафор мало кто мог предвидеть, когда 17 марта 2002 президент Дж.У. Буш обратился к американскому и иракскому народу по телевидению, призывая их не «сражаться за умирающий режим, который не стоит ничьих жизней» – ‘not to fight for a dying regime that is not worth your own life’. В этой и последующих речах президент Дж.У. Буш использовал многочисленные метафоры, в том числе и стертые, для того, чтобы представить войну в Ираке как «экономически выгодное мероприятие» (cost-benefit management), а не только борьбу с терроризмом. Президент доказывал, что, ‘the costs of war – financial loss and loss of lives – were outweighed by the benefits, including the elimination of weapons of mass destruction and increased security for Americans. ... the costs of not waging war were potentially much greater than the expense and loss of lives’ [30]. Исходя из этого, многие считают, что война в Ираке была вызвана не стремлением обеспечить всеобщую безопасность, а финансовыми выгодами, на которые рассчитывали США и союзники Буша, некогда создавшие ‘the coalition of the willing’. О готовящейся войне можно было догадаться задолго до ее начала благодаря метафоре, промелькнувшей в речи Дж.У. Буша, которую он произносил еще в апреле 2001 перед дружески настроенной аудиторией в поддержку налоговой скидки –

‘tax relief’. В частности, президент США заявил, что ‘our country is at peace, but our government is charging wartime prices’ [18]. Считается, что если президент США хочет остаться на второй срок, он должен непременно развязать войну в середине первого срока, поскольку на «переправе коней не меняют». О стремлении администрации Дж.У. Буша развязать войну в Ираке свидетельствует следующий текст: *“Iraq had an incredible buildup of ‘fuel’ just waiting for a fire. The fire of terrorism indeed has a hard time spreading in the low fuel environment of a participatory democracy with a stable health care system, education system, infrastructure, legal system, and economy – but turning Iraq into a stable democracy that would be our ally in the struggle against terrorism was a great, but completely naive goal. Our poor execution and our lack of understanding of the threat inadvertently brought the spark of fire into one of the world’s hottest hotspots. What we have now is a fire that is absolutely out of control. Adding 20,000 troops to the situation is like pouring water from a helicopter onto a raging forest fire. At a certain point, like firefighters, we have to realize that we are not going to “prevail” against this particular fire. We can remove fuel; we can make fire breaks; we can enlist the help of those under threat but not yet touched by the fire; but the more we fight this fire, the harder it will rage”* [24]. В данном тексте функционируют тематически связанные метафоры, которые последовательно, переходя из одного предложения в другое, создают целостную композицию, направленную на формирование конкретного восприятия и оценки ситуации сложившейся в Ираке. Два блока концептуально связанных метафор, со сферой-источником ‘fire’ и ‘fuel’ соответственно, несмотря на доминирование метафорических моделей, ключевой опорой которых является ‘fire’, усиливая друг друга, порождают гиперболический образ пожара, который требуется немедленно потушить, т. е. имплицитно призывают союзников США по НАТО к решительным действиям. Развернутые тематически спаянные метафоры, пронизывающие весь текст, создают своеобразное вербальное кружево, которое, как правило, способствует более глубокому пониманию происходящего, относятся к чрезвычайно эффективным средствам манипуляции сознанием масс.

В 2008 году, через шесть лет после ее начала, война в Ираке грозила перерасти в «бесконечную войну» без надежды на победу: ‘With no definition of victory and no exit strategy, we may be entering a state of perpetual war’ [22]. Существовала угроза, что «военная машина» будет диктовать внутреннюю политику, позволяя консерваторам делать все, что им угодно, во имя государственной безопасности: ‘The war machine will determine the domestic agenda, which will allow conservatives to do whatever they want in the name of national security’ [22]. В данном искусственно разделенном абзаце метафоры ‘perpetual war’, ‘the war machine’, обра-

зая единое виртуальное пространство, связывают его в единое целое. От этих метафор исходит безысходность, которая с неотвратимостью судьбы напоминает всем о «Судном дне» – ‘the Doomsday’, машинами которого в двадцатом веке уже были две мировые войны. 43-й президент США, разделив весь мир на ‘rogue states’, ‘pariah states’, ‘vassal states’, ‘failed states’, ‘client states’, ‘fragile states’, ‘crisis states’, приступил к «борьбе со злом» на планете, рассматривая ее как продолжение внутренней политики своего государства.

В настоящее время к политике относятся как к целостному континууму, следовательно, политические метафоры изучаются без учета их функционирования в текстах, посвященных внутренней или внешней политики. Однако сравнительно недавно подобная грань существовала. Метафоры, приоритетной областью которых некогда была внешняя политика, доминируют сейчас в обеих областях политики. Примером этого является метафора ‘build bridges.’ Появившись на внешнеполитической сцене в разгар холодной войны в начале 1960-х годов, она ушла в конце десятилетия, чтобы вернуться в 1990-х годах.

Метафора ‘build bridges’ (наводить мосты) означала принятие мер по уменьшению напряженности и опасности в эпоху холодной войны между СССР и США. Применительно к внешней политике как символу мирного взаимоотношения между странами с разными идеологиями данная метафора возникла в 1963 году после прихода Линдона Джонсона на пост президента США. В частности, он сказал: ‘We must develop with our allies new means of bridging the gap between east and west’ [28, с. 80]. Президент и его помощники довольно часто с некоторыми вариациями повторяли эту метафору для того, чтобы она стала общеупотребительной. Так, сенатор Уильям Фулбрайт несколько изменил означенную метафору, уточнив, что мосты надо возводить через «идеологическую пропасть»: *«Bridges can be built across the chasm of ideology»* [28, с. 80]. Под метафорой ‘build bridges’ понимали соглашения, которые стремились достигнуть или которые были достигнуты США во времена администрации Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона с СССР и странами Восточной Европы. К «частично построенному мосту» относится соглашение о запрете испытания ядерного оружия 1963 года и консульский договор, ратифицированный в 1967 году между США и Восточной Европой. Однако все эти договоры не могли радикально решить проблему холодной войны. В газете ‘The New York Times’ вышла статья, в которой говорилось: *«The Senate Foreign Relations Committee advanced the Administration’s East-West bridge-building program today by approving the United States-Soviet consular treaty»* [11, с. 81]. Чрезмерное использование политиками метафоры ‘bridge building’ вызывало раздражение у Н.С. Хрущева, который сказал, что «политики везде одинаковы: они обещают построить мост

там, где и реки-то нет» [3]. Несомненно, что «навести мост» во взаимоотношениях между СССР и США во время холодной войны было сложно. Метафора 'bridge building' постепенно ушла из внешней политики, ее заменил термин «диалог». Это еще раз подтверждает идею Дж. Лакоффа, что предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества [15].

На протяжении почти сорокалетнего периода политическая ситуация в мире метафорически была представлена в виде планеты, разделенной между двумя сверхдержавами (bipolar world system) на две части, в каждой из которых находился дом-контейнер (A home – a house and grounds – is a container), что позволяло рассматривать эти мировые державы как самодостаточные образования (The state is there foreseen as a contained entity). Такое положение вещей считалось идеальным, поскольку отражало естественную двуполярность нашей планеты [15].

Метафора дома-контейнера с четко разграниченным внутренним (an inside) и внешним (an outside) пространством (an inside and outside), границей (a boundary) с железным занавесом (iron curtain) и периметром безопасности (security perimeter) давала людям ощущение абсолютной защищенности и неуязвимости, поскольку в американское понятие 'home' входит еще и 'grounds', то есть «задний двор»: 'backyard', которыми для США являлись Куба, Мексика и Центральная Америка [15]. Только США имели право размещать крылатые ракеты в этих странах. Мысль о возможности СССР иметь свой собственный «задний двор» в Европе или в Турции была неприемлема для администрации США. И для того чтобы дом-контейнер СССР не смог увеличиться в объеме, США сочли необходимым его постоянно сдерживать (to contain). Данная метафора импонировала многим политикам, поэтому концепт 'containment', предложенный Джорджем Кенноном, был с готовностью принят в американских политических кругах, превратившись в государственную доктрину [15]. По мере развития ситуации в мире многие политики настаивали на необходимости укрепления окон и крыши дома-контейнера. Для того чтобы оправдать увеличение количества межконтинентальных баллистических, администрация США активно использовала метафору 'window of vulnerability' – «окно уязвимости», таким образом, указывая на самые уязвимые места «дома-контейнера» [15].

В 1970-е годы президент США Роберт Рейган приступил к «укреплению крыши» своего дома-контейнера, предложив создать космический щит от звездных войн – the Star Wars space shield, для того чтобы защитить его от «уничтожающего ливня» (a rain of ruin) [15]. В конце 1980-х годов эпоха гласности, перестройки и нового мышления, про-

возглашенная М.С. Горбачевым, привела к фундаментальным изменениям в метафорике внешней политики. Метафора М.С. Горбачева «новое мышление» – 'new thinking' – была воспринята странами Запада как вызов. С исчезновением привычных отношений конфронтации исчезли и метафоры, которые отзеркаливали почти сорокалетние отношения между СССР и США. Метафора 'iron curtain' – «железный занавес» и реальная Берлинская стена, символ холодной войны, пали одновременно. В одночасье открылись все дома-контейнеры, превратив внутреннюю и внешнюю политику в единое целое. Американские представления об общемировом доме-контейнере на одну семью с «задним двором» в виде латиноамериканских государств, когда М.С. Горбачев сделал заманчивое предложение построить «общеевропейский дом» [2] – 'the common European house', также рухнули. Каким должен был быть этот «общеевропейский дом», никто не знал, поэтому возникли предложения построить два дома: один типично американский на одну семью, другой – многоэтажный и многоквартирный для Европы [15]. Метафора многоэтажного и многоквартирного «европейского дома» предвосхитила создание Евросоюза с его двадцатью семью членами. Однако американцы пошли дальше, предложив создать «общемировой дом». Еще никто не знал, как будет выглядеть этот «общечеловеческий дом», но ядерная война в таком «доме» уже исключалась: началось разоружение. На смену старым технологиям ведения внешней политики – 'Hard Power' (жесткая сила), приходили новые, которые уже были обозначены метафорой, введенной Джозефом Найем в конце 1980-х годов. Американская технология ненасильственного взятия власти в чужой стране и передачи нужным людям не только с целью ее удерживания, а проведения качественных структурных изменений метафорически концептуализировалась как 'Soft power' (мягкая сила) [25]. 43-й президент США оказался непоследовательным в своих действиях: он использовал обе технологии, концептуализированные в метафорах 'Hard Power' и 'Soft power', чтобы метафору 'global village' превратить в реальный факт и закрепить главенствующую роль США на планете. Метафора 'Smart power' (умная сила), призванная «сочетать жесткую и мягкую силу для формирования выигрышной стратегии» [26], появилась в 2003 году в качестве либеральной альтернативы неоконсервативной международной политики Дж. Буша, свидетельствуя о новом подходе к роли международных институтов и закреплении за ними ведущего значения в мире.

Самая сложная эпоха – это эпоха перемен, когда старые концептуальные прототипы уже разрушены, а новые еще не созданы. Казалось, что, оставшись без спасительных метафор, которые укрывали и оберегали его, мир лишился защиты. М.С. Горбачев изменил не только свою страну, он

изменил весь мир, и вместе с этим изменились метафоры внешней политики. Смена мирового порядка в конце в конце 1980-х – начале 1990-х годов произошла мирным путем, что ранее достигалось только в результате войн. После Второй мировой войны многополярная мировая система (multipolar world system) превратилась в биполярную (bipolar world system), затем вновь вернулась к довоенной многополярности. Новый мировой порядок, когда для США их внутренняя политика стала внешней, концептуализировалась в метафоре 'unimultipolar world system'. Новая эпоха глобализации начиналась с «телемостов» ('TV bridges') между Россией и США, что вернуло метафору 'build bridges' на политическую арену. Сначала это касалось налаживания дружеских взаимоотношений между некогда враждебными супердержавами, потом – борьбу за президентское кресло США.

В 1996 году американские политики стали «наводить мосты» в прошлое и в будущее посредством следующих метафор: 'a bridge to the past', 'a bridge to the future', 'a bridge to the 21st century' [11]. Таким образом, один виртуальный мост предлагал путь в известное прошлое, другой – в неизведанное будущее. Мост всегда ассоциируется с чем-то конкретным, перекинутым через какое-либо физическое препятствие. Вероятно, абстрактная метафора «мост в будущее» – 'bridge to the future' – нашла свое конкретное воплощение в доктрине Клинтона 'Democratic Enlargement', когда «мост», перекинутый через Атлантику, достиг стран восточной Европы. Метафора 'Democratic Enlargement' подразумевала, прежде всего, расширение НАТО на Восток. Однако уже в 1997 году США заговорили о «Великой шахматной доске»: 'The Grand Chessboard' [13], за которой скрывалось желание американского общемирового господства и стояли американские геополитические императивы, что позволило команде Дж.У. Буша в новом тысячелетии создать такие метафоры, как 'American Europe' и 'American imperialism', с явным намерением их осуществления, когда над Земным шаром возникла реальная угроза оказаться пронзенным насквозь «осью зла» – 'axis of evil'.

Барак Обама, 44-й президент США, попытался снять планету с «оси зла». По крайней мере, его отношение к Ирану было выражено в следующей развернутой метафоре: 'Obama makes all the right moves in Iranian chess game' [27]. Метафора 'chess game' – очень опасна. Она относится к тем самым подводным рифам, которые могут погубить корабль. Дело в том, что в европейской и восточной традициях метафора 'chess game', 'to play a game of chess' метафорически воспринимается по-разному. В европейской традиции на протяжении более двух веков война метафорически концептуализировалась как «игра в шахматы» – 'chess game'. Первым правителем, который воспринимал игру в шахматы как войну, был король Пруссии Фридрих Великий. Играя сам с собой в шахматы, он разра-

батывал планы захвата Центральной Европы, поскольку для него весь европейский континент был «шахматной доской» – 'chess board'. Победы, которые прусский король одерживал над самим собой на реальной шахматной доске, приносили ему реальные победы.

В восточной традиции 'a game of chess' – древнеперсидская игра, является концептуальной метафорой мирного существования, поскольку реальная игра в шахматы предваряется долгим разговором: 'the elegant conversational process of engaging an interlocutor, absorbing their language in a lengthy process of polite deference, before getting down to business' [27]. Тонкости межкультурной коммуникации непременно надлежит учитывать и оговаривать при использовании подобных метафор. Метафора 'press the reset button', источником которой является компьютерная технология, отражала стремление США возобновить сотрудничество с Россией в целях совместного решения глобальных проблем в атмосфере взаимоуважения с учетом существующих разногласий, отражает современные достижения человечества и понятна всем пользователям новых технологий. Миротворческий настрой 44-го президента США явно прослеживался в его первой инаугурационной речи, когда Барак Обама предложил протянуть руку дружбы всем, кто разожмет кулак (who first unclenched their fist), ведь война, как известно, метафорически концептуализируется как «боксерский поединок» – fistfight, еще со времен холодной войны. Мир, уставший от прошлого, с нетерпением ждал иного будущего (tired of the past, and hungry for a different future) [27], которое должно было не ограничиться возведением виртуального моста между Россией и США от Буша-старшего до Обамы, а продолжиться строительством моста ко «второму дому человечества», которым, по мнению НАСА, является Луна. Когда прекращается гонка вооружения – 'arms race', начинается гонка за освоение Луны – 'lunar race'. Как видно, метафоры подсказывали, в каком направлении следовало развиваться человечеству.

Однако уже в 2009 году Генри Киссинджер вновь взволновал весь мир, сравнив Барака Обаму с гроссмейстером – a chess grandmaster, метафорически присуждая это высшее шахматное звание, политик отметил, что президент в своем дебюте шести одновременных партий сначала не закончил ни одну из них; ему удалось вырвать победу только в первой игре, смело поставив шах и мат сопернику в безвыходной ситуации ('...the president has won the first of those matches with an audacious checkmate snatched from a seemingly hopeless position') [29]. Однако остальная шахматная доска, под которой подразумевается весь мир, до сих пор находится в безвыходном положении ('But the rest of the chessboards are still gridlocked') [29]. Интерпретируя смыслы, существующие в разных доменах виртуального пространства, метафора позволяет

создать новое восприятие действительности [16]. Метафорическое концептуальное пространство виртуального мира, основываясь на конвергенции двух разнородных пространств: 'war' и 'chess game' – отражает реальную политическую ситуацию. Многие страны являются заложниками «великого шахматиста».

Как показывает анализ материала, многие концептуальные метафоры строятся на прецедентности, т. е. на референции к реальным событиям. Метафорический виртуальный образ вводится с опорой на уже имеющийся у человека опыт, при этом задается установка на его конкретное аксиологическое восприятие. Метафора свойственна человеческому мышлению независимо от языка, на каком она вербализуется, что позволяет говорить о ее универсальности, поскольку она черпает концепты из фонда общечеловеческих знаний, которые интерпретируются каждый раз по-новому в уникальном контексте. Жиль Фоконье и Марк Тернер, разработавшие теорию концептуальной интеграции, считают, что основные когнитивные операции функционируют универсально на разных уровнях абстракции при разных контекстуальных обстоятельствах. Когнитивная сущность метафоры заключается в способности людей интегрировать межструктурные проекции. Воображение, связывающее реальные события с виртуальным, позволило человеку оставаться человеком, а не только сыграть ключевую роль в его эволюции [16]. Необходимо подчеркнуть, что метафоры следует тщательно изучать, для того чтобы не воспринимать их как заряженное оружие, так как последствия могут быть непредсказуемыми. Метафоры, которыми пользуются политики, оказывают большое влияние на жизни людей разных стран. Некоторые исследователи считают, что по своей природе метафора каузальна и что смена политических систем обусловлена сменой политических метафор [8]. Однако, несмотря на значительную роль, которую метафоры играют в политике, они ее не предопределяют; метафоры являются производными политической борьбы и средством осмысления политики.

Литература

1. Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории* / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – 1112 с.
2. Большой словарь русских поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – <http://dic.academic.ru/dic.nsf/propverbs/20432/>.
3. Душенко, К. *Универсальный цитатник политика и журналиста* / К. Душенко. – <http://readr.ru/konstantin-dushenko-universalniy-citatnik-politika-i-ghurnalista.html>.
4. Лакофф, Дж. *Метафоры, которыми мы живем* / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Кара-Мурза, С.Г. *Манипуляция сознанием* / С.Г. Кара-Мурза. – <http://rumol.ru/files/library/books/kara-murza/kara-murza-manipul.pdf>.
6. Клаузевиц, К. *О войне* / К. Клаузевиц. – М.: Издат. дом «Вильямс», 2007. – 432 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. *Две великие метафоры* / Х. Ортега-и-Гассет // *Теория метафоры*: сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
8. Anderson, R.D.Jr. *The Discursive Origins of Russian Democratic Politics* / R.D.Jr. Anderson. – <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm>.
9. Bates, B.R. *Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War* / B.R. Bates // *Communication Studies*. – 2004. – Vol. 55. – № 3.
10. Bolinger, D. *Language the loaded weapon: The use and abuse of language today* / D. Bolinger. – London; New York: Routledge, 1980. – С. 224.
11. Benoit, W.L. *Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses* / W.L. Benoit // *Communication Studies*. – 2001. – Vol. 52.
12. Brown, J. *Mr. Bush, Tear Down That Metaphor! Tom Paine. Common Sense* / J. Brown. – 2005. – March 18. – http://www.tompaine.com/articles/mr_bush_tear_down_that_metaphor.php.
13. Brzezinski, Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. – New York: Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 1997. – 224 p.
14. Burke, K. *Rhetoric of motives* / K. Burke. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1969. – 340 p.
15. Chilton, P. *Foreign Policy By Metaphor* / P. Chilton, G. Lakoff // *CRL Newsletter June 1989*. – Vol. 3, No. 5. – <http://crl.ucsd.edu/newsletter/3-5/Article1.html>.
16. Fauconnier, G. *Mental spaces: conceptual integration networks* / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive linguistics: basic readings* / ed. Dirk Geeraerts. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 303–371.
17. Goodnight, G.T. *Iraq is George Bush's Vietnam. Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy* / G.T. Goodnight. – http://www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc. 2004.21.
18. Keel, G.L. *Metaphors in George W. Bush's Tax Rhetoric: Rewarding Moral Strength of Model Citizens* / G.L. Keel. – <http://www.allacademic.com/meta/>.
19. Kissinger, H. *Diplomacy* / H. Kissinger. – New York; London: Simon & Schuster, 1994. – 912 p.
20. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
21. Lakoff, G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf* / G. Lakoff. – 1991. – <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm>.
22. Lakoff, G. *Metaphors of Terror* / G. Lakoff. –

2001. – <http://www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html>.

23. Landsheer, Ch. de. *Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach* / Ch. de Landsheer // *Communication and Cognition*. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4.

24. Leonard, J. *Finding a better metaphor for the struggle against terrorism* / J. Leonard. – 2007. – April 28. – <http://my.barackobama.com/page/community>.

25. Nye, J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* / J. Nye. – New York: Basic Books, 1990. – 336 p.

26. Nye, J. *In Mideast, the goal is 'smart power'* / J. Nye. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.

27. Philp, C. *Chess as Metaphor for Politics* / C. Philp // *The Independent (Ireland)*. – 2009. – March 21.

28. Safire, W. *Safire's Political Dictionary* / W. Safire. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 862 p.

29. *The Economist. American politics after health reform. Now what?* / *The Economist*. – <http://www.economist.com/node/15770733>.

30. Weasenforth, D. *Metaphors We Live and Die By: Using Conceptual Metaphor to Leverage Public Support for Initiation and Prosecution of the Iraq War* / D. Weasenforth. – <http://ftp.ccccd.edu/lstern/SG-WEASENFORTH.doc>.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета, профессор, Московский государственный университет (Москва), ostvera@mail.ru.

Поступила в редакцию 21 апреля 2014 г.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Linguistics"
2014, vol. 11, no. 2, pp. 34–41

FEATURES OF FOREIGN POLICY METAPHORS FUNCTIONING

A.P. Minyar-Beloroutcheva, Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ostvera@mail.ru

The paper discusses the role of conceptual metaphor in the foreign policy discourse which is its part and parcel. Conceptual metaphor is a universal tool of a politician by which he influences and manipulates public consciousness to solve his own problems. Conceptual metaphor is a derivative of political struggle and the means of comprehension of foreign policy as it reflects the situation in the world.

Keywords: *conceptual metaphor; conceptual integration, virtual space; concept; political discourse; foreign policy; manipulation of consciousness; war; peace.*

References

1. Aristotel'. *Jetika. Politika. Ritorika. Pojetika. Kategorii* [Aristotle. Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Category]. Minsk, Literatura Publ., 1998. 1112 p.
2. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [Dictionary of the Russian Proverbs. Ed. V.M. Mokienko, T.G. Nikitina]. Moscow, Olma Media Group Publ., 2007. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/20432/>.
3. Dushenko K. *Universal'nyj citatnik politika i zhurnalista* [Universal Quotations for Politicians and Journalists]. Available at: <http://readr.ru/konstantin-dushenko-universalniy-citatnik-politika-i-ghurnalista.html>.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
5. Kara-Murza S.G. *Manipuljacija soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Available at: <http://rumol.ru/files/library/books/kara-murza/kara-murza-manipul.pdf>.
6. Klauzevic K. *O vojne* [About War]. Moscow, Vil'jams Publ., 2007. 432 p.
7. Ortega-i-Gasset X. *Dve velikie metafori. Teorija metafori: Sb. nauch. st. Pod red. N.D. Arutjunovoj* [Two Great Metaphors. The Theory of Metaphor. Collection of Scientific Articles. Ed. N.D. Arutjunova]. Moscow, Progress Publ., 1990. 512 p.
8. Anderson R.D.Jr. *The Discursive Origins of Russian Democratic Politics*. Available at: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm>.
9. Bates B.R. *Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War*. *Communication Studies*. 2004. Vol. 55. № 3.

10. Bolinger D. Language the loaded weapon: The use and abuse of language today. London, New-York, Routledge Publ., 1980, pp. 224.
11. Benoit W.L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses. *Communication Studies*. 2001. Vol. 52.
12. Brown J. Mr. Bush, Tear Down That Metaphor! Tom Pain. Common Sense. March 18, 2005. Available at: http://www.tompaine.com/articles/mr_bush_tear_down_that_metaphor.php.
13. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 1997. 224 p.
14. Burke K. Rhetoric of motives. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1969. 340 p.
15. Chilton P., Lakoff G. Foreign Policy By Metaphor. *CRL Newsletter June, 1989, Vol. 3, No. 5*. Available at: <http://crl.ucsd.edu/newsletter/3-5/Article1.html>.
16. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks. *Cognitive linguistics: basic readings*. Ed. Dirk Geeraets. Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006, pp. 303–371.
17. Goodnight G.T. Iraq is George Bush's Vietnam. Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy. Available at: http://www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc. 2004.21.
18. Keel G.L. Metaphors in George W. Bush's Tax Rhetoric: Rewarding Moral Strength of Model Citizens. Available at: <http://www.allacademic.com/meta/>.
19. Kissinger H. Diplomacy. New-York, London, Simon & Schuster Publ., 1994. 912 p.
20. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
21. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf, 1991. Available at: <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm>.
22. Lakoff G. Metaphors of Terror, 2001. Available at: <http://www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html>.
23. Landtsheer Ch. de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach. *Communication and Cognition*, 1991, Vol. 24, № 3/4.
24. Leonard J. Finding a better metaphor for the struggle against terrorism, 2007, April 28. Available at: <http://my.barackobama.com/page/community>.
25. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New-York: Basic Books, 1990. 336 p.
26. Nye Joseph S. In Mideast, the goal is 'smart power'. New York: Public Affairs. 2004, 191 p.
27. Philp C. Chess as Metaphor for Politics. *The Independent (Ireland)*, 2009, March 21.
28. Safire W. Safire's Political Dictionary. Oxford, Oxford University Press 2008, 862 p.
29. The Economist. American politics after health reform. Now what? *The Economist*. Available at: <http://www.economist.com/node/15770733>.
30. Weasenforth D. Metaphors We Live and Die By: Using Conceptual Metaphor to Leverage Public Support for Initiation and Prosecution of the Iraq War. Available at: <http://ftp.ccccd.edu/lstern/SG-WEASENFORTH.doc>.

Alla P. Minjar-Beloroutcheva, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages of the History Faculty, Moscow State University, Professor, ostvera@mail.ru

Received 21 April 2014